

«Мне не нужны мои фильмы»

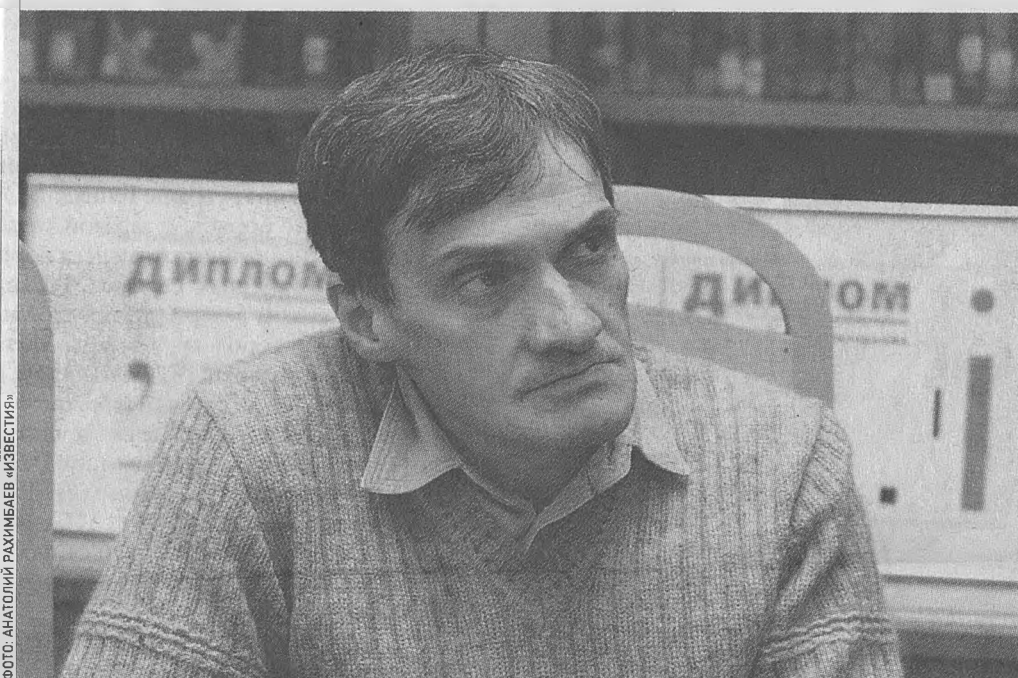

ФОТО: АНАТОЛИЙ РАХИМБАЕВ «ИЗВЕСТИЯ»

Поэт, прозаик, эссеист Юрий Арабов, постоянный сценарист Сокурова выпустил роман «Флагелланты». В новой книге речь идет о молодом музыканте, который в перестройку остался без работы и устроился в фирму, находящуюся в подzemелье. Главой фирмы оказывается египетская мумия. Однако это не ужасник, как можно подумать. Это роман об ответственности российской интеллигенции перед народом. С Юрием Арабовым встретилась корреспондент «Известий» **Софья Широкова**.

ВОПРОС: Вы как-то сказали, что это роман о «предательстве интеллигенции». В чем оно состоит?

ОТВЕТ: Где-то в середине 80-х, в перестройку, — я тогда был моложе, вел богемный образ жизни, — мы издевались над некоторыми родовыми чертами русской интеллигенции. В частности, не способностью к делу, а способностью к разговорам о деле. Пожив больше, я вдруг понял, что здесь не нужно ничего осуждать. Интеллигенция должна артикулировать для власти то, что не может внятно сказать народ. В 80-х мне казалось, что это очень мало, но сейчас мне кажется, что это очень много. И, во всяком случае, сейчас, когда интеллигенция в массе своей заразилась алчностью, то я считаю это предательством. Для меня алчность российского человека — это самое большое открытие последних 15 лет. Я вырос в ситуации, когда нам говорили, что Россия самая читающая страна в мире.

В: Не вижу связи между чтением и культурой потребления.

О: Безусловно, читают, но вы посмотрите что. Ну, во-первых, как может сейчас существовать писатель? Или ты вешаешь ярем на шею, выпускаешь десятки книг под своей фамилией определенного качества, или же становишься командировочным литерато-

ром, когда едешь по университетам, нашим и зарубежным, читаешь лекции о мире и о себе красивом и хорошем. Кто живет на деньги от литературы? Их два-три человека.

В: Но многие работают журналистами, переводчиками.

О: На самом деле это неправильно. Литератор должен существовать на издание собственных книг. Иначе он приспосабливается к ситуации и становится частью масс-культурного явления, которое в России нагружено идеологией. Это все сделали ребята моего поколения. Они умные. Я знаю все наше руководство страны как свою руку, потому что это люди моего поколения.

В: И в такой ситуации интеллигенция что должна сделать?

О: То, что она делала 100 лет назад, — артикулированно говорить о проблемах страны мальчикам моего поколения, которые прагматичны, циничны и не имеют только одного — гуманитарного сознания. Каждый человек, христианин или буддист, имеющий хоть какие-то зачатки духовности, должен стоять на двух ногах. В лучшем случае в позе Пизанской башни.

В: Если говорить о вашей ситуации, то вы, интеллигент, который все же зарабатывает деньги сценариями?

О: Я зарабатываю деньги сценариями, потому что я на сценарный факультет поступил. Если бы я поступил на какой-то другой, то, наверное, делал бы что-то другое. Я еще в институте познакомился с Сокуровым. И как-то так все это пошло. Естественно, я пытаюсь делать это честно — писать сценарии, где не шмаляют из кармана. Но если бы я мог жить на издание стихов, я больше бы ничего другого не делал в жизни. Мне не нужны эти фильмы: ни блокбастеры, ни авторское кино. Писал бы прозу. Но я нахожусь в ситуации, в которую поставлен литератор во всем мире.

В: И все же есть какой-то кинопроект из новых, которым вы довольны?

О: Сейчас в монтажно-тонировочном периоде картина, за которую, я надеюсь, стыдно не будет никому, кроме родственников великого поэта. Это картина о Бродском. Андрей Хржановский, наш замечательный мультипликатор, решил сделать большую картину по поэзии Бродского. Где были бы большие мультипликационные куски, где он ас и где были бы художественные игровые куски, что Андрей будет делать впервые. Думаю, что в любом случае это органично для кино. Умирает Бродский, и перед смертью к нему приходит любимый персонаж его писем и рисунков — кот и ведет его в город детства — советский Петербург через рисунки, через какие-то игровые вещи. Сценарий симпатичный. Например, путешествие поэта по «Книге о вкусной и здоровой пище». Кот проводит поэта через любимую книгу детства. Я не знаю, что из этого выйдет, но этот сценарий я с удовольствием написал.

В: И при этом, если использовать финальную метафору вашей книги, чувствуете себя заживо похороненным?

О: Тут проблема с этим похороненным. Дело в том, что мне приснился развернутый сон. Я вскочил с постели и полчаса бегал по дому в жутком возбуждении. Потом попробовал это записать. Я сначала сделал это в форме сценария, но, естественно, никакого режиссера не нашлось. Потом я сделал это в прозе. Но только сейчас понимаю, что этим хотел сказать. Действительно, существует первый слой — герой сам себя хоронит. Но есть и нечто другое — некая оппозиция не между жизнью и смертью, а между городской жизнью и природной. Ну а для моего героя это какой-то эскапистский выход из создавшейся ситуации.

Когда я писал, я действительно чувствовал себя похороненным, что не надо заниматься кино, нельзя так жить, как я живу. Нельзя идти на сделки с социумом, но сейчас я понимаю, что здесь не только это. Когда я писал, мне казалось, что обличаю язычество современной жизни, которое я не признаю.